

Сов. культура - 1989. - 28 сент. - с. 4

— Виктор Иванович, как вы себя чувствуете после шквала критических суждений о ПРОКе и язвительных эскапад газетных критиков? Ведь вы были президентом...

— Плохо я себя чувствую. Но вовсе не потому, что в программе ПРОКа были жуткие проколы или провалы. Беру на себя смелость заявить — пусть это прозвучит нескромно! — что серьезных проколов и провалов не было. Да, не было! И это подтверждают... все критики ПРОКа, все авторы газетных и журнальных материалов. Подтверждают почти полным отсутствием претензий к дневной и вечерней его программе как таковой. Нашлись даже те, кто расщедрился на несколько добрых слов.

— Намекаете и на заметку в «Советской культуре»?

— В том числе. Поймите, страшно обидно, когда труд и старание большого коллектива людей, придумавших и осуществивших нечто новое и смелое, сводится в общественном сознании на нет либо умалчиванием, либо, что еще хуже, огулькой и несправедливой критикой... не по адресу. Ну все, кому не лень, поупражнялись в злой иронии относительно вечернего контингента ПРОКа, мол, были там сплошь рэкетеры и проститутки. Почему же никто из критиков не удосужился разобраться, как они туда попадали, имеют ли к этому отношение организаторы клуба? Между тем проверка компетентных органов дала однозначный результат: нет, дирекция здесь ни при чем.

— То есть недохвалили ПРОК?

— Не в этом дело. Ситуация вокруг ПРОКа, по моему глубокому убеждению, характерна вообще для нашей сегодняшней жизни. Верх взял эмоциональный максимализм. Многие вошли в раж критиканства, потеряв реальные ориентиры и представления об элементарной справедливости. Неистово ищут плохое, изнанку, грязь даже там, где, казалось бы, царит демократический дух, ломаются стереотипы, духовно оттаивают люди. Хвалить не модно. Доброе говорить — боже упаси, прослышешь примиренцем, рептилией застойных времен. Недовольных хоть отбавляй! Зато желающих что-то сделать, чем-то реально помочь, пусть хоть в малом — днем с огнем не найдешь. Вот мы накануне ПРОКа разослали сотням кинематографистов письма с нижайшей просьбой дать свои рекомендации, пожелания, предложить идеи. Казалось бы, общее же дело. Ну что стоило откликнуться! Какое там — ответов всего несколько штук. А денежные средства? Союз и Госкино не дали на ПРОК ни копейки. Мы привлекли творческое объединение «Игротехника», оно давно с нами сотрудничает. Расходы составили более 300 тысяч рублей — огромное им спасибо. Не будь других спонсоров, их убытки были бы еще больше. Но кого это волнует? ПРОКовские цены тоже стали предметом тотальной критики: словно организаторы клуба виноваты в экономических неурядицах страны. Мне кажется, воцарилось агрессивное иждивенчество.

— Авторы ПРОКа должны были знать, на что идут. Сегодня любые новации, инициативы оцениваются пристально, они в перекрестье общественных прожекторов.

— Это уж точно. И тем более обидно, что речь идет о сотнях энтузиастов, работавших безвозмездно. Инициатива, как и прежде, наказуема. Но все-таки, ибо трудно отбросить иллюзии, что обстановка принципиально изменилась. А завоевать зрителя, почитателя, в том числе и зарубежного, все труднее. Обратите внимание: профестивальный вечерне-ночной ПРОК, при том, что было жутко тесно и душно и программа куда беднее, многим понравилась больше. Почему? Не только потому, что мы на этот раз увлеклись масштабностью в ущерб камерности, интимности общения. Работала ажиотажная волна. Слово «перестрой-

Парадоксы иждивенчества

БЕСЕДА

С ВИКТОРОМ МЕРЕЖКО

ка» тогда, летом 1987-го, манило новизной, неизведанностью, революционностью. Теперь одно это слово, одно понятие не срабатывает. Зарубежные, к примеру, гости смекнули, что перестройка — процесс длительный, и при всей к ней симпатии часто предпочитают цивилизованный уровень обслуживания и организации, свойственный фестивалям в других странах.

— Мне кажется, ПРОК был в чем-то альтернативен самому фестивалю. И ближе к тому облику, какой хотелось бы придать нашим московским киносмотрам.

— Я вообще считаю, что от конкурса надо отказаться. Хотя бы на время. Надо накопить престиж, авторитет. Как? Делать фестиваль-знакомство, фестиваль-общение, делать его информационным и коммерческим.

— Слушаю вас, Виктор Иванович, вижу, как вы неспокойны, и думаю грешным делом: «А зачем ему все это?» Вы же как драматург, что называется, в большом порядке. Сценарии идут в запуск «с колес», пьесы в сотнях театров, благосклонности телевидения.

— Я сам себя об этом спрашивал, когда Элем Климов предложил возглавить правление Дома кино. Предложение изумило: я ведь человек больше кабинетный, писал себе сценарии и общественной активности не проявлял. Даже и после V съезда кинематографистов оставался, если откровенно, сторонним наблюдателем. А тут Дом кино, славный и однозвонный, клубок проблем, центральный перекресток кинематографической Москвы. Семья и друзья отговаривали. Все же рискнул. Настоял на назначении новым директором дома Юлиа Гусмана, блестящего организатора, шоу-мена, как говорят на Западе, человека на редкость энергичного и с массой оригинальнейших творческих идей. В результате минувший сезон признан беспрецедентным даже теми, кто не очень-то симпатизирует новому правлению. Напомню о вечерах, посвященных Солженицыну, Галичу, Хрущеву, о встречах с кандидатами в депутаты, о ретроспективе Пазолини, о просмотрах новых зарубежных лент с правом самих кинематографистов решать, покупать их или нет, наконец, о газете «Дом кино», весьма острой и интересной. Надеюсь, вы не заподозрите меня в саморекламе, тем более что идеи и организация всего дела — плод коллективных усилий. Хотя не могу не отметить особый вклад Ю. Гусмана — его фантазия неистощима, в чем когда-то убеждались и болельщики КВНов конца 60-х.

— Как работа в правлении сказывается на вашем творчестве? Вопрос, согласитесь, не дежурный, если учесть, что тяжкую ношу общественных дел в союзе взвалили на себя после V съезда многие из тех, именно из тех, от кого в первую очередь можно было ожидать значительных произведений в условиях творческой свободы.

— Действительно, ситуация такова, что сегодня десятки серьезных режиссеров, писателей, драматургов отложили художнические занятия, стали политиками, организаторами, публицистами. И небезнаказанно. Сколько уже синяков и шишек наставили тем же секретарям союза, почти четыре года тянущим воз общественных забот. Я не уверен, что все они до единого ангелы и альтруисты. Но исхлестывают сплетнями, претензиями, наветами всех огулом. Они, мол, облегчают себе прохождение фильмов, сценариев, они элита. Это кому — Климову, Смирнову, Григорьеву, Рязанову, Агишеву, Норштейну, Абдрашитову, Черныху, Шахназарову, Метальникову, Ибрагимбекову надо подкреплять свой творческий авторитет административным? Им, что ли, — людям, чье искусство очевидным образом приоритетно и желанно на любой студии, чьи работы и так ждут с нетерпением миллионы зрителей! Если их бьют — значит, за окном эра жестокосердия и озлобленности.

Скажу прямо: у меня почти не было, а теперь и вовсе нет проблем с прохождением сценариев и пьес. Мне не на что жаловаться. Но я тоже в какой-то момент почувствовал, что обязан что-то сделать в ином качестве, чем прежде. Что-то более осязаемое, с более быстрым и прямым эффектом, чем драматургия.

— Если я правильно понял, минувший сезон в Доме кино во всей его политической остроте, в его ориентации на радикальные идеи перестройки — ваша общественная позиция.

— Наша. Правления, секретариата, значительной части членов союза, приветствующих

антисталинистский, антибюрократический дискуссионный дух наших вечеров.

— И все же, что конкретно питает ваш пессимизм?

— Мне кажется, что за минувшие десятилетия страшно ослаблена нравственная сопротивляемость людей злу, несправедливости, инстинктам неприятия «чужого», инстинктам разрушения. Нравственная деградация, духовная опустошенность приобрели характер национального бедствия. Я очень боюсь, что на такой «почве» перестроечные процессы могут дать (да уже дают) кровавые всходы, чем непременно воспользуются враги демократии.

— Но, согласитесь, идет мощная работа по переоценке прошлого, по десталинизации всей жизни и психологии людей. Она не может не сказаться благотворно на нравственном климате общества, особенно — молодого поколения.

— Десталинизация необходима. Но коль уж об этом заговорили, выскажусь определенно: я считаю опрометчивым, даже порочным то невиданное внимание, которое уделяется сегодня персоне Сталина. Срабатывает психологический парадокс: уничтожая его, мы его... возрождаем. Из палача делаем Сатану, исполнителя антигероя. Анти, но герой?.. Как дети трепещут от страшной сказки, но просят продолжать, так мы, холодея от ужаса, продолжаем с замиранием сердца мазохистски вчитываться и вслушиваться во все новые подробности сталинских злодеяний. Я думаю, эта сверхконцентрация эмоций вокруг Сатаны — Сталина с какого-то момента стала выгодна и поощряется теми, кто не хотел бы слишком резкого роста общественного внимания к десталинской теории и практике коммунистов и особенно к сегодняшнему положению дел в партии и вокруг нее.

— Так что же, закрыть тему Сталина?

— Нет, разумеется, продолжать. Но умнее, взвешеннее, аналитичнее. И на ней не замыкаться. Больше, как можно больше о наших сегодняшних бедах и нелипостях и об их виновниках и охранителях.

— Где же передачи телевизионного цикла «Шок», столь мощно вами начатого. Посмотрев первую — о дикостях нашего гостиничного обслуживания, — я испытал гордость, что именно в «Советской культуре» появилась ваша статья «Не понимаю!», давшая импульс созданию этого публицистического телецикла.

— Мне хотелось затеять большой телеразговор о безнравственности и о том, что ее порождает в нашей жизни. Я очень этим заинтересован. Первая передача прождала эфира 8 месяцев, прошла в «несмотрительное» время. Мы сделали вторую — о милосердии. Ее постигла немилосердная, трагическая участь: готовую пленку случайно стерли. Все погубило. Я не нашел в себе сил продолжать. Во всяком случае пока.

— Роль ведущего «Кинопанорамы» как-то сгладила для вас эту историю?

— Вы сказали «роль ведущего». Это неточно, не то. Если бы чувствовал, что должен играть какую-то роль, отказался бы от «Ки-

нопанорамы». Я пошел на это как раз в надежде, что сумею быть совершенно самим собой и встречаться, говорить с теми людьми искусства и политики, которые действительно интересны, и судьба которых сейчас волнует. Натужно-дежурные, «функциональные» вопросы задавать я не собирался. И нашел полное понимание редактора Ирэны Лисневской. После четырех передач понял: когда сами собеседники чувствуют, что ты искренен, а не зрительно подыгрываешь, — они раскрываются. Даже если годами молчали. Даже если судьбы их в искусстве трагически надломлены.

— При нынешнем акценте на жесткие экономические параметры человек кино, похоже, все больше будет становиться функцией, орудием кинопроизводства.

— Так что же, не давать им трибуны, погрузив в окончательное забвение? Да если хоть у кого-то дрогнет сердце, пробудится сострадание, взволнуется совесть, можно считать, дорогое телевремя уже оплачено по высшему, гуманистическому счету. Я понимаю, новая экономическая и структурная модель нашему кинематографу необходима. И чем скорее она наконец обретет юридический статус, тем лучше. Но ее внедрение будет сопряжено, боюсь, с чрезвычайно болезненными процессами. По людям, по живому она крупно пройдет. И знаете почему? Да все по той же причине: удручающая, тотальная безнравственность и бескультура. В условиях обострившейся конкуренции, в борьбе за выживание, за средства, за пленку, за роль, за что угодно безнравственность знает и предпочитает лишь один метод борьбы: раздавить, уничтожить, убить соперника. Безнравственность несовместна с уважением к конкуренту. То, что сегодня на Западе чаще всего сопровождается улыбкой, мол, я тебя уважаю, но постараюсь сделать лучше тебя, и поглядим, кто кого, у нас сопровождается ненавистью, угрозой, скандалом, грязными интригами. Мы разучились видеть друг в друге человека, разучились любить, сострадать, милосердствовать. Тяжко нам придется...

— Об этом многие ваши сценарии и пьесы. Как бы вы сами разграничили периоды вашего творчества?

— Больно громко звучит. Просто в разные годы меня волновали разные явления и характеры. Сперва — люди и проблемы села, потом — «потерянные» сорокалетние, потом — тема женской судьбы, а одновременно и тема абсурдности нашего бытия, которую пытался воплотить в театральной драматургии. То, что делаю сегодня, я бы определил так: «драма нашего существования — часть общемировой драмы». И еще: «страшные социальные пороки в молодежной среде — расплата, сведение счетов за нашу рабскую покорность, конформизм, нравственную деградацию». С нетерпением жду выхода на экраны фильма «Под небом голубым». Его поставил на «Беларусьфильме» по моему сценарию Виталий Дудин. Мне кажется, этим сценарием я выпрыгнул из того кризисного состояния, в котором начал ощущать себя в последнее время, исчерпавшись в теме женской судьбы, где-то повторяясь, топчась на месте. Предстоит работа и совсем уж в новом для меня жанре: подал заявку на 15-серийный телефильм «Рэкет».

— Наш вариант «Спрута»?

— Во всяком случае речь пойдет о вымогательстве, коррупции, сведении счетов, в том числе и в высоких эшелонах официальной власти. То есть в конечном счете о той же безнравственности, но уже в криминальном ее преломлении.

Беседу вел
Г. СИМАНОВИЧ.

Фото В. Помигалова.